

На опушке леса лежал молодой мужчина азиатской внешности. Он был очень высок для этих краёв и времени, а также мускулист, словно былинный богатырь. Чёрные длинные заплетённые в косу волосы. Он был одет в рваную, некогда дорогую одежду, которая вся была залита кровью, тело было покрыто шрамами, словно долгое время подвергалось пыткам. Обувь на ногах не оказалось. В целом складывалось ощущение, будто этот человек был ограблен, подвергся пыткам, после чего его убили, а тело грабители бросили, не озаботившись погребением.

Какое-то время мужчина лежал без движений, к нему стала осторожно подбираться лиса, чтобы полакомиться свежим мясом, но вдруг грудь мужчины вздрогнула, он сделал хриплый вдох. Это напугало лисицу, и она отбежала на несколько метров, спрятавшись за соседним деревом. Веки богатыря затрепетали, он открыл глаза и медленно огляделся по сторонам.

Долго богатырь на земле не стал залёживаться, а кряхтя, словно столетний дед, опираясь на локти, сумел вначале сесть, а затем осмотрелся вокруг ещё раз и ощупал себя. Лисица, видя такой поворот событий, поспешила скрыться от этого места подальше.

— Что за ерунда происходит? — спросил на японском языке богатырь.

Мужчине явно не понравилась ситуация, в которой он оказался. Он силился понять, что произошло.

— Что за?! — тихо, словно спрашивая самого себя, спросил богатырь уже на китайском языке своего времени.

В голове у него сплелись воспоминания о двух жизнях, причём он чётко осознал, что одна из них оставлена позади, то лишь память о прошлой жизни, в которой он был японским программистом по имени Хизеши Фукацу и помер в двадцать втором веке под колёсами поезда. Вторая же жизнь — это прожитые сорок один год жизни под именем Хенг Чжао.

Оказалось, что удивительный организм тысячника имперской гвардии (теперь точно бывшего), который больше привык считать себя сотником, поскольку в последней должности пробыл считанные дни, сумел справиться и исцелить даже тяжёлое ранение в сердце, хотя на это ему понадобилось не так уж и мало времени. Подобным невероятным здоровьем он обладал и в прошлой жизни, воспоминания о которой пробудились в результате пережитой клинической смерти.

Если бы всё происходило согласно мистических учений, с которыми парень был мельком ознакомлен в прошлой жизни, то главенствующим должно было стать сознание Хенга. То есть, если бы память о прошлой жизни пробудилась, как это произошло сейчас, то воспоминания были бы лишены чёткого эмоционального окраса, а прежняя личность никак не могла бы стать главенствующей.

К сожалению, хозяин тела лишился рассудка во время пыток, в результате этого личность Хизеши переплелась с памятью и личностью Хенга, но к счастью, это привело к тому, что

получилось что-то среднее между программистом-хикикомори и суровым средневековым богатырём-военачальником.

Недостатки одной личности были компенсированы достоинствами другой — это работало в оба конца. Так, страх перед толпой Хизеши был компенсирован опытом Хенга, в свою очередь жестокость и беспринципность средневекового воина были смягчены характером личности из мира будущего. Таким образом, только что произошло рождение нового человека в старом теле.

— И как мне теперь себя называть? — задумался богатырь. — В принципе, я не против быть Хенгом, но моё местное имя слишком известное, с внешностью проще, она знакома лишь при дворце императора, хотя расслабляться не стоит, помимо дворца меня видело много солдат и чиновников. Значит, надо менять имя и уходить как можно дальше из Поднебесной!

Мужчина поднялся и стал приводить себя в порядок: он замазал кровь землёй, соорудил некое подобие обуви из разодранной рубахи, после чего сориентировался на местности и словно хищный зверь, мягко заскользил вглубь леса.

— Имя... Как же себя назвать? — продолжил размышлять богатырь. — Допустим, Ли. А что?! Имя весьма распространено в Китае. Да, пусть будет Ли Чан. Только вот как замаскировать внешность? С моим ростом это будет сделать непросто. Косу жалко, но лучше избавиться от неё, чем от головы.

Парень перешёл на лёгкий бег, но не мог прибавить скорость, поскольку вместо нормальной обуви его ноги были обмотаны тряпками, а здоровье ещё не пришло в норму.

— Интересно, а какой сейчас год? — продолжил размышлять человек, решивший временно зваться Ли Чан. — Империя Хань существовала где-то в районе лет за двести до нашей эры и продолжала существовать ещё лет сто или двести уже в нашей эре. К сожалению, я не то, что не помню китайских императоров, я о них ничего не читал. Куда двигаться? По-хорошему, надо валить в иные цивилизованные края. Что сейчас из этого есть? Индия? Римская империя? В Японии точно ловить нечего, там сейчас живут дикари, с которыми мне не по пути. Может, всё же Римская империя? Может быть, удастся посмотреть на исторические события?

Парень добежал до ручья, возле которого остановился. Он разделся и стал купаться, смывая с себя грязь и отстирывая от крови одежду. Конечно, полностью отстирать кровь дело очень сложное, но даже так одежда, а точнее тряпье, в которое она превратилась, стала выглядеть немного лучше.

Судя по виду самозваного Ли Чана, даже столь небольшая пробежка его чрезвычайно утомила. Переборов осторожность, он осознал, что дальше до выздоровления двигаться опасно. Парень решил переночевать прямо у ручья.

Первым делом Хенг установил на растяжках мокрую одежду на просушку. Для ускорения процесса он выломал палку покрепче и ею срезал дёрн, сделав углубление для костра. Затем

он потихоньку натаскал веток, из которых соорудил шалаш, потом принёс много хвороста для костра.

Оторвав от рубашки несколько полос ткани, Хенг сплёл из них подобие верёвки, затем наложил разных стружек и пуха в углубление на бревне и соорудил небольшой лук. В тетиве лука он закрепил палочку, конец которой установил над углублением, набитым пухом, затем стал быстро крутить палочку. Вскоре из углубления запахло дымком. Хенг из тлеющего пуха споро развёл костёр, наложил побольше хвороста и отодвинул от костра растяжки с одеждой, чтобы мокрое тряпье не сгорело.

Дальше Хенг стал раздирать на полосы остатки рубашки и сооружать верёвки. Всего у него вышло сделать две небольших верёвки, в результате чего он остался без верхней половины одежды. Из этих верёвок и подручных материалов он на обнаруженной звериной тропе соорудил пару ловушек, после чего вернулся греться к костру.

Лес был добр к Хенгу. Вскоре у него на ужин оказался запечённый в глине заяц. Мясо было жестковатым, не хватало соли, но мужчина не обращал на такие мелочи внимания. Он наслаждался сочной зайчатинной, утоляя зверский аппетит. Организм требовал строительных материалов. Долгая голодовка, пытки и смертельные раны поглотили все запасные ресурсы тела.

После сытного ужина Хенг уснул прямо на земле. Такой отдых закончился закономерно — всё тело мужчины болело, местами мышцы одеревенели. Но в целом он чувствовал себя довольно сносно для человека, который недавно пережил смерть.

В остатках лохмотьев он отправился в путь через лес. Он понимал, что в таком виде лучше не появляться на людях, поскольку его могут принять за беглого раба. Любой патруль его задержит для выяснения.

В первую очередь Хенг старался убраться как можно дальше от столицы. Затем ему нужны будут деньги. Поэтому он придерживался определенного направления.

Как раздобыть денег Хенг знал. В империи Хань распространены круглые медные монеты с квадратным отверстием по центру. Эти монеты называют учжу (пять чжу) и весят три целых две десятых грамма. Их обычно носят на шее, продевая через центр монет верёвку.

Чеканить монеты имеет право лишь министерство финансов, но так было не всегда. Раньше задолго до рождения Хенга чеканить монеты могли и центральное правительство, и военачальники. Зачастую монеты военачальников были хуже по качеству и меньшего веса, из-за этого император У-ди запретил частную чеканку монет.

Сами монеты с того времени внешне не претерпели особых изменений. У ханьцев до сих пор в ходу монеты, выпущенные при императоре У-ди.

Хенг мог бы сказать, что по случайности ему известно о тайнике с оттисками для чеканки учжу одного из военачальников, но случайностью тут и не пахло. Подвизавшись в дворцовых интригах, он многое знал об аристократии. Лет пять назад он участвовал в подавлении заговора одного из аристократов, который был потомком одного из военачальников при императоре У-ди. Во время операции Хенг прихватил кое-какие ценности, среди которых оказалась припрятанная заготовка для чеканки монет семидесятилетней давности. Светить такой вещью было опасно, поскольку за подделку денег наказание суровое, поэтому Хенг припрятал оттиск, медь и инструменты в одном из схронов в паре дней пешего пути от столицы. Он намеревался после выхода в отставку втайне заняться обогащением, но не сложилось.

Четверо суток он двигался преимущественно лесами от Чанъань (столицы) в сторону небольшого южного городка У, который находится на берегу реки Янцзы. Так долго в пути он пробыл из-за того, что приходилось передвигаться по пересеченной местности и искать пропитание.

Вскоре он нашел знакомый овраг и захоронку.

Следующую неделю Хенг первую половину дня был занят поисками пропитания. Всё остальное время он посвящал чеканке монет. Для этого ему не пришлось строить горн или плавить медь. Клише для чеканки и медь были позаимствованы в одном и том же месте. Аристократ явно собирался заняться чеканкой монет, поэтому медь была уже заготовлена полуфабрикатом в виде прутков.

Простейшая чеканка монет не подразумевает каких-то особых навыков - с ней справится любой человек, руки которого растут из плеч, а не из другого места. От медного прутка зубилом отрубается кусочек. Он кладётся на наковальню в пресс-форму, сверху накрывается второй половиной пресс-формы и по её центру наносится удар кувалдой.

С помощью формы для чеканки, кувалды и какой-то японской матери Хенг придавал заготовкам вид учжу. Учитывая примитивный способ чеканки и условия, в которых она производилась, немудрено, что качество денег было отвратительным. Именно таким же оно было у военачальников прошлого по тем же причинам. Такие учжу имеют меньшую ценность, тем не менее, их повсюду в империи Хань принимают к оплате.

Когда бывший сотник двинулся в У, он выглядел измождённым, но довольным. Питание подножным кормом и тяжёлый физический труд сильно вымотали мужчину. У него на шее висела связка с парой десятков учжу. Сумма небольшая, более свойственная бедному крестьянину или бродяге, как и оборванный вид Хенга. Основное богатство — тысяча монет — скрывалось под лохмотьями. Монеты были нанизаны на самодельную верёвку и обмотаны вокруг пояса. Это всё, на что хватило небольшого запаса меди. Хенг не ожидал, что ему придётся заниматься чеканкой монет в глухом овраге. Он просто прятал то, что изъят у аристократа.

Наконец, он выбрался на тракт и свернул в первую попавшуюся деревню. Деревенские жители смотрели на него с опаской, но стоило продемонстрировать монеты на шее, как у крестьян

прорезалась доброжелательность.

Из деревни он вышел в простом крестьянском халате серого цвета, с мешочком риса и рисовой лепёшкой. На ногах у него были надеты потрёпанные чёрные туфли из конопляной ткани с квадратными носами и с деревянной подошвой. Это мужская обувь. Женщины носят туфли с острыми носами.

Но главными богатствами Хенг считал лист бумаги, маленький глиняный пузырек с чернилами и небольшой бронзовый нож, которые сумел купить у старосты.

Он вновь скрылся в лесу и занялся очередным преступлением, за которое могут четвертовать и срубить голову — подделкой документов.

За время службы он столько раз пользовался государственной печатью, что знал наизусть её рисунок до миллиметра.

Найдя подходящую древесину, Хенг приступил к вырезанию печати. Дело было крайне кропотливым и без навыков резьбы по дереву нереализуемым. Но Чжао в детстве увлекался резьбой по дереву, делая игрушки для младших братьев и сестёр. Руки быстро вспомнили навык и принялись двигаться в хорошем ритме.

Лишь ближе к вечеру он с радостью в сердце поставил печать на заполненном документе. Десять раз прочитав текст и ещё больше раз осмотрев оттиск печати, он не нашёл к чему придраться. Подорожная на имя Ли Чана имела вполне официальный вид, таких за время службы Хенг выписал тысячи. Даже он сам во время службы не нашёл бы к чему придраться и ни за что не подумал бы, что обычный с виду крестьянин или рабочий-бедняк, каким он сейчас выглядит, сумел бы так ловко подделать официальный документ.

Копыта цокали по улице, ведущей к пристани. Крестьяне поспешно разбегались, заведя грозного всадника на вороном жеребце. К седлу коня были прикреплены мешки, копьё и арбалет с колчаном болтов. На поясе воина в красном кожаном нагруднике с наплечниками висел короткий меч.

Если бы Хань покупал всё это, ему бы не хватило денег. Хорошее оружие стоит очень дорого. Да и не продали бы никто крестьянину оружие и тем более солдатскую броню. Поэтому он поступил проще и до крайности нагло — из засады напал на отряд из четверых патрульных военных, среди которых был конный десятник. Это были обычные призывные солдаты из крестьян. Десятник наверняка получил своё звание не за выучку, а за знание грамоты. По сравнению с опытным элитным воином эти увальни были никем. А уж если воин заранее подготовил поле битвы...

Хань не имел такого недостатка, как излишнее благородство. Всё же он сам выходец из

крестьян, целый сотник императорской гвардии и дитя своего времени. Даже память из жизни Японии будущего не сильно изменила его мировоззрение, скорее, лишь смягчила характер. Поэтому он быстро расстрелял военных из самодельных самострелов в спину, после чего избавился от тел и прихватил их имущество.

Империя большая, когда ещё слухи о пропавших солдатах дойдут до дальних провинций.

Сделав себе новые документы, Хенг под видом десятника, который следует в Нижний У по важному поручению, отправился в путь.

Единственное, о чём он жалел, о том, что не сумел прихватить с собой оружие солдат. Десятник с тремя копьями выглядел бы подозрительно. Зато ничто не помешало ему забрать трофейные припасы и деньги.

Нижний У расположен в низовье реки Янцзы в месте её впадения в море. В этом городе расположился огромный порт, откуда отплывают торговые корабли в соседние страны.

Хенг вольготно с важным видом приближался к порту.

— Ого! Неужели это Хенг Чжао?

Хенг обомлел. Обернувшись, он обнаружил сотника в красной, разукрашенной золотым лаком броне. Он сидел в седле коня. Неподалеку от него в проулке стояли вытянутые в струнку дежурные десять солдат, патрулирующих припортовую территорию.

Случилось то, чего Хенг больше всего опасался. У него по спине пробежал табун мурашек. Лицо сотника было до боли знакомым. Такая встреча — это одно из худших, что могло случиться, ведь поддельные бумаги себе Хенг выписал на имя Ли Чана.

— Дружище Сюин, — расплылся в притворной улыбке он. — Давно не виделись.

— Плохи твои дела, Хенг, — ехидно зубоскалил Сюин. — С каких это пор ты из сотников гвардии опустился до рядового десятника?

— Недавно, друг Сюин, — грустно опустил подбородок Хенг. — Благодаря наветам завистников я попал в опалу императора, да осветится его лик. Солнцеликий понизил меня в звании и отправил подальше с глаз своих, выдав длительную посольскую миссию к варварам. Как видишь, теперь я десятник.

— До меня доходили слухи, будто тебя бросили в темницу.

— Было дело, — изображая равнодушие, ответил Хенг.

— Хенг, ты знаешь правила, — продолжал зубоскалить сотник, — я должен посмотреть твои бумаги.

Мурашки, бегающие по спине Хенга, стали размером с носорога. Он пытался придумать, как выкрутиться.

— К чему эти формальности, друг Сюин? Ты же меня прекрасно знаешь. Лучше давай пойдём в лучший трактир, я угощу тебя крепким вином и жареной свининой. А формальности уладим завтра.

Крепкое вино Хизеши назвал бы рисовым самогоном. До перерождения он и не подозревал о том, что в древнем Китае умели делать крепкие алкогольные напитки. Он полагал, что перегонный куб изобрели в средневековье. Но нет. В империи Хань такое устройство было известно. Более того, самогон, или на местный манер крепкое вино, считался элитным напитком для богачей. Император У-ди ввёл на крепкий алкоголь налог в размере одной уджу за сто миллилитров. Из-за этого литр крепкого вина в трактире стоит целых двадцать уджу. Обычный крестьянин или даже солдат не может себе позволить такие траты. Даже сотнику такие расходы окажутся накладны. Оттого немудрено, что на лице Сюина отобразилась внутренняя борьба.

Плох тот солдат, который не мечтает стать тысячником. Ещё хуже тот воин, который не любит халявы, особенно, халявной выпивки. Если не пьёт, значит, шпион, или враг.

Сюин ещё во время совместной службы на границе завидовал положению Хенга. Теперь же, увидев его рядовым десятником, он хотел над ним поиздеваться. У него и мысли не возникло, что с документами Хенга может быть что-то не в порядке. Просто хотел потрепать ему нервы. Когда на чаше весов оказалась халявная элитная выпивка с дорогой жареной свининой, а на другой издевательства над бывшим сотником, он недолго размышлял.

«Ну, поиздеваюсь я, получу немного удовольствия, — думал он. — И что дальше? Хенг обидится, я немного повеселюсь и останусь трезвым. А тут можно и пожрать мяса, и выпить крепкого вина, и немного поиронизировать над бывшим гвардейским сотником...»

— Твоими устами, да мёд пить, — широко улыбнулся Сюин. — Друг Хенг, пожалуй, я приму твоё предложение. Ты впервые у нас в Нижнем У?

— Угадал, друг Сюин.

— Тогда позволь, я покажу тебе хороший трактир. А вы, — обернулся он к солдатам, — продолжайте патрулирование.

Трактир оказался весьма приличным, наверняка, самым дорогим в городе. Гостей обслуживала молодая симпатичная рабыня.

Глядя на крепкую приземистую фигуру сотника и его прохиндейское лицо, Хенг понял, что самогона понадобится много.

Сюин, совершенно не стесняясь, стал заказывать самые дорогие блюда. Вскоре на столе появился запотевший холодный глиняный кувшин с гранатовым соком, жареная свинина на шпажках, тонкостенный фарфоровый кувшин с литром рисового самогона, фарфоровые чашки и блюдо со сладкими фруктами: персики, гранаты и ягоды личжи — плод размером с небольшую сливу, покрытый твердой тонкой пупырчато-красной оболочкой, под которой скрывается упругая полупрозрачная мякоть с кисловато-сладким вкусом и ароматом розовых лепестков. Личжи широко употребляется в китайской традиционной медицине..

При виде ягод Хенга бросило в холодный пот. Он помнил недавнюю историю о том, как император пожелал свежих ягод личжи. Гонец загнал двух лошадей, чтобы доставить эти ягоды Светлоликому. Лошадей, которые стоят безумно дорого. Конечно, Нижний У — южный город, ягоды раздобыть тут гораздо проще, но всё равно их цена раз в пять выше кувшина с вином. Хенг прикинул в уме, что весь ужин потянет минимум на двести учжу. Годовой подушный налог обычного человека составляет сто двадцать учжу, а купца двести сорок. Это весьма приличная сумма. Бедный крестьянин на эти деньги может жить полгода.

С другой стороны, деньги не важнее жизни. Хенг был уверен, что без головы он не оживёт. На это намекали древние фильмы про бессмертных, просмотренные в бытность японцем. Поэтому, скрепя сердце, он выдал из себя дружескую улыбку.

— А ты не мелочишься, Сюин.

— Ты же угощаешь, — радостно оскалился сотник. — Уверен, что за время службы при дворце ты успел накопить приличное состояние.

Слова сотника пришлись Хенгу пенопластом по стеклу. Денег он и в самом деле накопил много, купил обширные земли и три сотни рабов-крестьян. Но недавно лишился всего нажитого честными грабежами и взятками, не считая солидного оклада. Как бы ни было сильно желание вернуть хотя бы часть состояния, Хенг здраво сопоставил риски и даже не дёрнулся в сторону своей недвижимости.

Громкий цокот копыт распугивал пешеходов. Доскакав до причала, взмыленный десятник соскочил с коня и взбежал по трапу на борт однопалубной шестнадцативесельной галеры (по восемь весел с каждой стороны). Галера сзади имела прямоугольную надстройку и для жителя будущего выглядела непривычно. Никаких плавных обводов, она была угловатой и не имела парусов.

Матросы в чёрных штанах и синих рубахах, готовящиеся к отплытию, засмотрелись на богатыря в красном кожаном нагруднике. Пузатый, но при этом крепкий шкипер с козлиной чёрной бородкой протестуяще воскликнул, заметив на борту десятника:

— Эй! Мы договорились с сотником. Проваливай, иначе я пожалуюсь господину Сюиню!

— Отчаливай! — грозно прорычал здоровяк, суя под нос шкиперу меч, с клинка которого на палубу упали красные капли.

— Э-э-э... — шкипер испугался и попытался придумать отмазку, чтобы спровадить солдата с корабля. — Мы плывём в Чжи!

— Так и плывите в Чжи! — пригрозил мечом богатырь.

— Но, господин... — шкипер норовил спровадить солдата, он проследил за его взглядом, и обнаружил погоню. К причалу приближались солдаты-лучники. Тут-то он сообразил, что десятник скрывается от своих сослуживцев, видимо, совершив какое-то преступление. Он нагло ухмыльнулся. — А господину есть, чем заплатить?

— Тысяча учжу! — прорычал воин. — Либо сталь в брюхо! Выбирай, что тебе больше нравится. Но если немедленно не отчалишь, то я сам сделаю выбор!

То, как десятник качнул клинком вблизи от шеи шкипера, дало понять морскому волку, что тот не шутит. Шкипер считал, что он неплохо разбирается в людях. Одного взора на мрачное, полное решимости лицо воина намекало на то, что лучше не торговаться.

— Учжу меня устроят, — стараясь не демонстрировать страха, сказал он. — Эй, — окликнул он крепких матросов, — быстро убрать трап! Отдать швартовы и налечь на весла!

Без лишних слов шкипер оттолкнул галеру багром от берега. Весла опустились, заработали гребцы. Галера всё шустрее скользила по морским волнам.

На берегу лучники, выкрикивая угрозы, начали натягивать луки.

— Быстрее гребите, дети порочной любви! — гаркнул на матросов-гребцов шкипер.

Рулевой на корме с натугой ворочал рулевой балкой.

Шкипер считал, что проблем с законом у него не будет. Местный сотник прикормлен. В крайнем случае он скажет ему, что не мог противиться воле десятника, который тем более грозил убийством. Тысяча уджу — большая сумма, даже если её честно разделить с экипажем. Честно — значит половина ему, а половина матросам. Довольно солидный заработок всего за один рейс.

Отлив помог галере быстро удалиться от берега. Лучники хоть и сделали по паре выстрелов, но быстро поняли бесперспективность этого занятия. Их луки не добивали до шустрой небольшой

галеры.

Хенг с облегчением вздохнул.

Поняв, что всё в порядке, шкипер направился к неожиданному пассажиру.

— Раз уж ты плывешь с нами, то неплохо было бы познакомиться. Я Чжиган, шкипер из порта Фаньюй. Держу путь в Чжи, где собираюсь поменять сладкие фрукты и крепкое вино на шёлк, мечи и фарфор, которые повезу к варварам в государство Сатавахана.

— Я Ли Чан, десятник нашей доблестной армии.

— Это не моё дело, но раз ты десятник, то почему же тебя преследовали солдаты?

— Это действительно не твоё дело, но я расскажу, — Хенг настроился с вдохновением вешать лапшу на уши. — Я выполняю важное поручение Светлоликого! Он отправил меня с посольством к варварам, так что нам как раз по пути. Но среди аристократов нашлись люди, которые, пользуясь своим положением, хотели воспрепятствовать моей миссии. Дворцовые интриги, они такие, Чжиган! Лучше держаться от них подальше.

Чжиган не считал себя глупым. Сразу он не поверил словам десятника. Хотя его форма, оружие и вид, с каким он держался... Шкиперу казалось, будто перед ним не десятник, а целый тысячник или важный чиновник, привыкший повелевать. Так что сразу такое объяснение он не отверг.

Тут Хенг пустил в дело козыри. Он достал из мешочка на поясе свиток и протянул его шкиперу. Чжиган прочитал бумагу. После этого все его сомнения были развеяны. У него не имелось поводов не верить официального вида документу с печатью военачальника имперской гвардии, должность которого по положению стоит выше обычной армии. По бумаге выходило, что десятник Ли Чан и в самом деле выполняет важное поручение с посольской миссией от военачальника, который подчиняется напрямую императору.

А уж когда из другого мешочка Хенг извлёк пять связок учжу, аж пятьсот монет, и в кошеле явно ещё осталось не меньше, настроение шкипера и вовсе поползло в гору. На оплату после предъявления документа он уже и не надеялся.

— Господин десятник, — залезбил Чжиган, — вас довезти только до Чжи?

— За тысячу монет? — изумлённо приподнял брови Хенг. — Нет, конечно! За кого ты меня принимаешь, за мецената?! Остальные пятьсот учжу получишь по прибытии в Сатавахану.

— Хорошо, господин Ли, — вежливо поклонился шкипер.

Это не совсем то, на что он рассчитывал, но тоже неплохо. Даже за вычетом расходов на кормёжку пассажира прибыль обещала быть неплохой.

Хенг скинул с себя нагрудник и наплечники, подложил доспех под голову и нагло развалился на крыше надстройки трюма. Он бы с радостью спрятался от палящего солнца в самом трюме, но тот был полон. Лежать же в проходе ему не приглянулось.

Волны покачивали галеру, а Хенг припомнил, как всё пошло по одному месту.

Заговаривание зубов сотнику началось замечательно. Он начал спаивать Сюиня, но... Жизнь, как обычно, преподнесла сюрприз. К сотнику с важными бумагами прямо в трактир прибыл посланец. Хенг не особо удивился и не насторожился. Дело-то привычное, и ему, бывало, схожим образом приносили документы домой или в увеселительное заведение. Но... Среди бумаг была ориентировка на беглого тысячника Хенга Чжао.

Всё же Хенг не был лишён любопытства и краем глаза поглядывал на текст. В лице они вместе с Сюинем изменились одновременно. Сотник поднял на Хенга изумлённый взор и схватился за меч, а Хенг зловеще свёл вместе брови.

Стоило Сюиню начать вынимать меч, как Хенг не стал медлить. Он рванул свой меч и заколол ретивого служаку. Посыльный рванул за стражей, а Чжао подался в бега. Вот такая немудрённая история. Правда, Хенг успел прихватить с трупа сотника кошель и ориентировку на себя, чтобы запутать следы. Это должно было ему помочь выиграть немного времени. По крайней мере, солдаты будут охотиться за неизвестным десятником — убийцей командира и грабителем, а не за опальным сотником, который привлёк недоброе внимание Светлоликого. Обычного убийцу будут искать менее рьяно.

*Личжи - плод размером с небольшую сливу, покрытый твердой тонкой пупырчато-красной оболочкой, под которой скрывается упругая полупрозрачная мякоть с кисловато-сладким вкусом и ароматом розовых лепестков. Личжи широко употребляется в китайской традиционной медицине.

<http://tl.rulate.ru/book/73953/2091282>